

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

НЕ ОЧЕВИДНОЕ, НО ВЕРОЯТНОЕ

СКАЗКИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

Геннадий Мурзин

Не очевидное, но вероятное.

Сказки двадцать первого века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942452
ISBN 9785449631992

Аннотация

В книгу «Не вероятное, но очевидное» автор включил современные сказки для взрослых. Верно, как написал два с лишним века назад русский классик, сказка – ложь, да в ней намёк... На что в данном случае? А на реальную действительность, которая окружает россиянина. Окружив же, берет в полон. Тексты свежи, остры, ироничны, написаны блестящим остроумным языком, герои сказок колоритны и легко узнаваемы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Мы рождены, чтоб сказку делать былью...	6
Чудеса в решете	7
Пролог	7
Часть первая	15
Часть вторая	26
Часть третья	31
Часть четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Не очевидное, но вероятное

Сказки двадцать первого века

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Иванович Мурзин

Фотограф Геннадий Иванович Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2019

© Геннадий Иванович Мурзин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-3199-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Севастополь. Январь 2019. Писатель и журналист Геннадий Иванович Мурзин (автопортрет), автор многих изданных романов и повестей.

**Мы рождены, чтоб
сказку делать былью...**

(Из ура-патриотической песенки).

Чудеса в решете

Пролог

Многие-премногие века, еще с древнейших-предревнейших времен известна на Земле необыкновенно чудная страна, обитатели коей, овеянные сонмищем мифов и легенд, сами по себе, кстати говоря, не менее сказочны.

В бесчисленных летописях и народных сказаниях упоминается, можно даже сказать, делается прямо-таки жёсткий упор на то, что страна эта уникально огромна: на самом резвом коне скакать – не перескакать; на быстроходном автомчаться – не перемчаться; на стремительном и беспрестанно дудящем и пытящем поезде неделями надобно ехать – не переехать; летом лететь на ковре-самолёте – одним днем не перелететь; месяцами плыть бесчисленными морями-океанами – не переплыть. Как справедливо воспевают народные певцы, её, то бишь, сию страну, *«глазом не обмеришь, не упомнишь ейных городов»*. С севера на юг и с юга на север мчат свои воды тысячи бурных рек и речушек, а в них, если верить на все сто процентов обитателям, всякой живности видимо-невидимо, стало быть, закинешь невод и выво-лочешь на берег столько серебристо подпрыгивающей рыбёхи, что жрать и не пережрать. А дубравы ее? На тыщи вёрст

тянутся дремучие леса: их лихие люди пилят-рубят, а все перепилить и перерубить никак не могут. А земли ее? В недрах, сказывают сведущие в сём люди, прячутся несметные сокровища, и не только золото-серебро иль там всякие бриллианты, а и моря нефти и океаны газа.

Живи, короче, самобытная страна да богатей уникально – на счастье и радость ее уникальных обитателей.

Кстати, об обитателях. О них – особое слово, потому как того стоят.

Радетели и благодетели, рядящиеся в патриотическую тогу, мудро подмечают, что оным обитателям весь мир страшным образом завидует. Всяк злобой полыхает, аки Змей-Горыныч на хитрющего Ванюху-солдатику: испепелил бы, да и он не в силах.

Есть, да-да, есть повод для зависти, ибо никому более на Земле так не повезло. Ну, скажите, кто еще-то может лежать себе на печи да полёживать, а мимо сокровища, не пресекаясь, все плывут да плывут? И ведь, зараза, обитатель сей страны мнёт бока, не зная горяшка, да весело покряхтывает, попивает медовуху крепчайшую да разудало попевает. Иноземец, у коего с нервишками не все в порядке, глядучи на лежебоку, начинает дергаться: чего, дескать, лежа-то лежать; слезь с печи-то да в лес хоть сходи, дровец наруби.

– Ха! – отвечает обитатель, почёсывая кудлатую и давненько невытую головёнку да громко и протяжно позёвывая, то есть, раздирая хайло во всю ширь, оной страны-чудесни-

цы, страны-кудесницы. – Дурак, что ли, чтобы без нужды потеть? Стоит, – говорит, – мне гаркнуть во весь роток и те самые дровишки, – говорит, – сами примчатся, сами в печь загрузятся, сами возгорятся.

Иноземец очумело вращает шарами.

– А ежели, – спрашивает, – жрать сильно захочется?..

– Хе! А страна моя на что?

– Страна? А при чем тут страна?

– Ну и тупые вы, иноземцы, такие тупые! – выкрикивает в сердцах лежебока. Почесав еще усерднее в затылке, снисходительно поясняет. – У моей страны все самобытно и уникально: мне, к примеру, стоит трижды хлопнуть в ладоши и на моем столе раскинется скатерть-самобранка, так что ешь-пей, сколько душеньке моей захочется.

– Ага! – потирая в удовольствии ладони, восклицает иноземец. – Твои хлопки, да к тому же троекратные, – это уже труд!

– Кто бы спорил, – лежебока хмыкает с печки, – но этот труд, совершаемый мною не потя и в удовольствие.

– Не понимаю, – произносит иноземец и пытается еще что-то произнести, но ему абориген не дает.

– Где нас понять! Это вы такие простые, такие простые, что взглянешь раз – и все яснее ясного. Нас же надобно подолгу (например, через мелкоскоп) рассматривать, чтобы хоть что-то в нас углядеть. Тем мы и чудесны.

В самом деле, чудное прет из всех щелей. Скажем, в отли-

чие от немца, обитатель-оригинал этой страны на перекрестке не станет тупо стоять и по-бараньи тупо глядеть на световфор, предостерегающе мигающий красным, а ринется, ловко ускользая от колес автомашин и горделиво ухмыляясь, вперед: знай, дескать, наших: мы – увёртливые.

Или тот же француз: ему, тупорылому, даже в голову не придет, чтобы помочиться в лифте, или справить большую нужду на лестничной площадке собственного дома, а обитатель страны, о коей идет речь, сделает всё это, не раздумывая, хотя в нескольких метрах его собственная квартира и с собственным унитазом. Прелесть для него вся в том, чтобы нагадить, чтобы гадость видели и чувствовали другие, чтобы ею соседи дышали полной грудью.

А чопорные англичане, извиняющиеся перед всеми и даже за то, чего они никогда не сделают? От такого занудства, считает наш обитатель, сдохнуть можно; сей абориген считает за честь нахамить любому, обложить по-крупному каждого и опять же обожает все это делать публично.

Иноземец, узрев этакое, только покачает головой. Иногда, правда, после обретения дара речи, все-таки спросит:

– Не стыдно?

В ответ – услышит лишь зычный хохот и вековую мудрость: стыд, дескать, – не дым, глаза не выест.

И японец тоже хорош: снимет взяточку на грош, а после долго-долго кланяется, виновато кается и до конца своей жизни у всех просит прощения. Ну, как тут соседу япон-

да не взъерепениться и не начать плевать, а? Ведь наш-то брал, берет и будет брать всегда (если не «зеленую», то борзыми щенками непременно) и при этом никаких там угрызений или еще чего-нибудь этакого, диковинно-заморского чуда. Вон, днями молва облетела края-веси: некий полковничек-полицейский заныкал на пыльных антресолях пяток миллиардов. А теперь, только представьте себе, господ буржуи с Запада, каким баблом ворочают тутошние генералы? А министры? А сенаторы? А?.. Стоп! Выше – это святое!

При всем при том обитатель сказочно богатой страны непритязателен в быту: готов десятилетиями жить в какой-нибудь халупе, одеваться во что попало, носить на вечно немытых ногах лапти или, в самом крайнем случае, пластиковые «шлёпки», завезенные одним из юговосточных соседей. И это не по бедности или скупости, а, как сам обитатель заявляет, единственно из-за пользительности для тех же его ног: не преют, говорит, и не потеют, так что тратиться на благовония уже не надо. Стало быть, выгода!

И, наконец, в этой стране отношения между властью и подданными весьма и весьма специфичны. А все дело в том, что народ с необыкновенной страстностью влюбляется в любого, кто над ним восседает, то есть в мудрейших правителей. И дня прожить без вождей – больших или совсем-совсем крохотных – не может. Нет вождя, считает этот народ, значит, жизнь пуста, пресна и, по большому счету, даже омерзительно препротивна. При этом, слушая вождя, тот

народец счастливо улыбается, точь-в-точь как младенец, три дня назад покинувший утробу матери и не понимающий ничего из того, что предстает перед его глазёнками.

Тут надобно оговориться. Летописцы свидетельствуют: редко, крайне редко, но случается, что вспыхнувшая нечаянно любовь к своему Верховному Правителю скорёхонько угасает и перерастает в свою противоположность – в столь же яростную всёпожирающую ненависть. Тут и до смертоубийства рукой подать. Так случилось два с половиной десятка лет назад, когда неожиданно на верх взлетел Он. Поданные, не смекнув сразу-то ничего, его сильно и нежно залюбили, но вскоре очухались, поняв, что Этот и не вождь вовсе, а какое-то его подобие, короче, недоразумение.

И вскрикнул народ во все глотки:

– Гляньте, братки: так это ж сволочь-либерал!

Поняв, взъелись и начали кусать. Поданные окончательно взбесились после того, как увидели, что не следует никакой ответной реакции от Него. Феномен? Да еще какой!

Исследователи сего феномена, живущие за тремя морями, долго грузили мозги, пытаясь понять, в чем тут заковыка и что сей Верховный Правитель делает не так? Корпели-корпели ученые головы и все-таки пришли к определенным заключениям.

Во-первых, он слишком прост, чего поданные не любят, и любить в вождях не могут. Во-вторых, вместо рывканья, «выканье» всем подряд (говорят, что за все годы нахождения

наверху, Он никого даже матом хорошенько не обложил), вместо угроз, миротворчество, вместо диктатуры, стал демократничать.

По мнению все тех же иноземцев, выше перечисленные его слабости (даже легкий либерализм) поданные могли бы понять и простить, но они не могли и не хотели Ему простить его вечное беспокойство, сотрясение основ, его попытки стащить с печей всех лежебок, заставить их крутиться-вертеться, то есть начал загружать по полной программе проблемами. А это для коренного лежебоки – ножом (я извиняюсь) по... одному замечательному месту.

И иноземцы заключили: поданные той гигантской северной страны готовы молиться лишь тому вождю, который сам любит хорошо, то есть спокойно и сытно, пожить и не мешает так же жить ближайшим подданным своим.

Вот, как подтверждение, ушел на отдых всеми ненавистный, пришел другой, потом и третий. И обоих поданные любили и любят. Потому что они не мешали и до чрезвычайности удобны и, что особенно по нраву, не мешают корыстолюбовствовать. Конечно, иногда сотрясают воздух некими угрозами, но все этим и кончается. Лежебоки, вздрогнув, продолжают мять свои отяжелевшие бока на теплой печи и слазить с нее не собираются. Впрочем, нынешние Верховные Правители сделали все, чтобы онный лежебока вообще не утруждался; даже на выборы сильно не уговаривают сползти с печи, ибо это никому не нужно: его друг, любов-

ница и теща придут, проголосуют и этого будет вполне достаточно, чтобы выборы признать, как они выражаются, легитимными. Все остальные пусть себе полёживают да посапывают. В самом деле, зачем попусту подданных тревожить?

Доморощенные патриоты ситуацией очень довольны и дуют во всю мощь о том, что в стране тишь, гладь да Божья благодать. Находятся отдельные ворчуны, но в дружном и многомиллионном оре здравниц их слабенькие голосочки не слышны. И, слава Богу, что не слышны. На кой леший чёлн раскачивать?!

В сем прологе обрисованы страна и ее народ, обрисованы так, как они видятся со стороны и в общем ракурсе цивилизационного развития мира. Мелкие же детали будут наброшены и уточнены в основных сказочках, кои последуют далее. Не всё сразу, милые вы мои, не всё... Надо кое-что хотя бы и на десертик еще припасти.

Часть первая

Он, как и его предшественник (а также Друг, Учитель, Наставник), явился миру неожиданно. Вынырнув из неведомых никому глубин, как гласят уже сочиненные кем-то летописи, он тихохонько, но востроглазенько огляделся, зыркнув пару раз, по сторонам, потянул носиком-пуговкой, пробуя определить по запаху, там ли он, где ему надлежит быть, поплескался водицею, что в круг его, испытывая на предмет ощущений окружающий его новый мир, а после пару-тройку раз хмыкнул. Хмыканье сие, стоит думать, означало одно: обоняние и осязание его не подвели, стало быть, он вынырнул и в нужном месте и, что важнее всего, в нужное время.

Очевидцы (их, то есть очевидцев, всегда находится во множестве, когда человек выныривает, но когда тонет, то обычно рядом не оказывается никого) решительно заявляют, что он, только-только вынырнувший, сразу стал показывать себя с наилучшей стороны.

— Он, — говорят, — сразу после оглядок и понюхиваний, перво-наперво, стряхнул с себя болотную тину, коей поналипало немалым числом и коя тяжелым грузом норовила вернуть его назад, на дно болотца, омыл светло личико хрустально чистой водицей и опытно, — и откуда только взялся в нем тот опыт, — поплыл туда, куда его интуитивно влекло больше всего. Он, — продолжают очевидцы, — легко выплыл

из заплесневелого болотца. Оказавшись, — говорят, — в истекающей речонке с малой водой и крутёхонько теснящимися берегами поплыл по течению, полагая, что дальше — будет просторнее и полноводнее.

И ведь не обманулся! Чем больше верст проплывал, тем больше расходились в стороны крутобокие берега, тем глубже в темную пучину уходило дно, тем бурливее становилась река, ее течение обретало удивительное ускорение, неся легонькое, как пушинку, тельце вперед, пока в неведомые, но манящие, дальние-дали.

Биографы, коих как-то неожиданно объявилось числом многим, фиксируют: мал пловец, да, оказалось, удал; шустренький, оказалось, от природы такой; умелый и сообразительный; себе, дескать, на уме. К тому же удача благоволила. Ну, право слово, чем, как не даром судьбы или промыслом Божиим можно объяснить следующее обстоятельство. Как-то под вечер и без того бурный поток неожиданно взъерошился, вздыбился, закружился на месте, заполучив в свои объятия, приподнял уставшего пловца и легонько вынес на берег и со всеми предосторожностями уложил. Малец тотчас же, смежив отяжелевшие веки, мертвецки заснул. Долго иль коротко (этого даже биографы не ведают), но вышел из объятий Морфея, приподняв головёнку, продрав шарёнки, огляделся. Видит, что лежит на гранитной набережной, а вокруг терема высокие с маковками золочёными (ну, точь-в-точь как в тридевятом царстве). Вон, шпиль адмирал-

тейства, пронзающий небо; там блистающий в лучах солнца купол Исакия; тут и великолепнейшая императорская резиденция, именуемая Зимним дворцом, а также помпезная арка Главного штаба; поодаль – многочисленные мосты и мосточки, перекинутые через речушки и каналы.

– Не бреши! – явственно слышу глас читательский. – Ну, откуда обо всем этом знать мальцу!? Ври, – ворчливо может добавить иной читатель, – да не завирайся.

Ей-ей, не вру! Вот те крест, не обманываю. А знает он из учебника по истории, по картинкам. Впрочем, поначалу и сам малец не поверил в сию картинку, подумал: благолепие не что иное, как сновидение. Или мерещится. Для верности взял и ущипнул себя. Почувствовав боль, понял, что все это в яви. Вскакивает на ноги, долго ощипывается, прихорашиваясь. Понимает, что в Северной Пальмире, куда судьба его, оказывается, забросила, встречают по одежке, а провожают по уму. Стало быть, предстать перед обитателями интеллектуальной и культурной столицы государства он должен в наилучшем виде. Похлопав по штанине, убедившись, что «корочки», то бишь документ об образовании и прочие бумаги (малец, несмотря на свой юный возраст, уже знает, что без бумажки – он букашка в каменных джунглях большого города) в кармане и целы-целёхоньки, не подмоченные, потопал по Невскому проспекту, углубляясь в него все дальше и дальше. Топают, а в башке его разные соображения теснятся. Думает, значит, кумекает, выходит.

Биографы (я извиняюсь за постоянные ссылки на оных, ибо кому, как не биографам, знать всю подноготную изучаемого ими лица) заверяют, что мальца в ту пору думы тяжкие одолевали, ибо страшился продешевить, то бишь прогадать. Ему хотелось, стоя на перепутье, выбрать дорогу, ведущую в светлое будущее, не только торную, а и хлебную, а то лучше, усеянную пряниками да тортинками.

Стоит, стало быть, малец на перекрёстке дорог и вычисляет в уме: ежели, думает, направо пойду, ну, туда, где университет Его Императорского Величества, то после прохождения курса наук стану гуманитарием, иначе говоря, гордым, но нищим; ежели, далее думает, прямо пойду, в сторону Политехнического, то физиком иль химиком стану и в карманах завтрашнего инженеришки ветер будет свистеть почище, чем у гуманитария; ежели, по его соображению, налево двинет, туда, где юридический институт, то непременно в стряпчие затешется, а то и, коли повезет, в прокурорах очутится (бабок не ахти, а вот власти, к коей малец имеет великое тяготение, хоть отбавляй, к тому же помнит наставления папеньки и маменьки, отправлявших в плаванье, которые мудро замечали: где много власти, там и бабок тоже хватает, короче, с хлеба на воду не перебиваются).

Не долго ерошил реденькие волосёнки на маленькой головёнке малец, не парил много жиденькие мозги. Он выбрал третий путь и твердо зашагал туда. И правильно: юрист – это вам не книгохранитель.

Итак, проходит курс наук, осваивает тонкости юриспруденции. И тут (Боже, какой счастливый случай!) общественное бурление началось, среди мальцов – тоже. Одни стали выступать за старое, говоря, что государству, к коему они причислены, всякие перемены вредны и опасны, другие – за то, чтобы ничего не делать и мять бока на теплой печке, третьи, то есть радикалы, самые шумные, стали возмущать общество и звать к переменам.

Будущий стряпчий, а то и, Бог даст, прокурор, Дениска Макаров (так зовут моего основного героя, делающего погоду в моих сказочках) ходил с митинга на митинг, стоял поодаль, прислушивался да принимался, но на рожон не лез, всё больше помалкивал, не распахивал глубины своей души, ни с кем не делился самым сокровенным – убеждениями, значит. Он имел в виду еще одно напутствие папеньки и маменьки: береженого – и Бог бережет. Он также знал, что родители плохого ему не присоветуют.

Его осторожничанье привлекло внимание определенных людей. Вот он стоит у огромного окна аудитории и зубрит УК. Зубрит, а не забывает косить глаз и на то, что происходит за окном, то есть на стихию. И тут замечает рядышком мужичка, еще молодого и такого, как Дениска же, невзрачненького, с такой же бедной, как и у Дениски, растительностью на голове.

– Молчишь? – без приветствий спрашивает неведомый Дениске гражданин.

– Так ведь... это... ну... Как говорится, слово – серебро, а молчание все-таки – золото.

– Гы-гы-гы! – коротко и неумело, но со значением, хотнул гражданин. – Значит, ближе к благородным металлам держишься?

– Так ведь... – Дениска кивает в ответ. – Понадёжнее...

– Ты, гляжу, – умничка. Так держать! – говорит гражданин и предлагает Дениске. – Держись моей стороны и у тебя все будет наилучшим образом.

Дениска захлопал белёсыми ресницами.

– Что есть «наилучшим»?

– Увидишь, – загадочно сказал незнакомый гражданин и снова мрачновато гоготнул.

– Но... Я ведь... Не знаю вас...

– Твой коллега, Путинцев, однокашник... Бывший уже...

– А... Ну, да...

– Поди, слышал?..

– Кое-что... Преподаватели вами гордятся, говорят, что сразу вам предсказывали великое будущее.

Путинцев со смыслом повторил:

– Держись моей стороны и великое будущее тебя тоже не минует.

– А... это... ну... Не... это... не обманете?

– Однокашники, – важно заметил Путинцев, – своих не кидают.

Юнец и еще совсем не старый мужичонка подружились.

На почве? Право слово, не знаю. А биографы как-то этот предмет обходят стороной.

Ясно лишь одно: Путинцев Дениску больше не выпускал из поля своего острого зрения и из цепких и весьма-таки когтистых своих ручонков. Держал всегда неподалеку, без конкретных и нужных дел не оставлял.

Скоро сказка сказывается, но не менее скоро и дело делается... У отдельно взятых граждан, конечно. У того же Дениски, к примеру. Твердо взбирался наверх Наставник (здесь и далее имеется в виду Путинцев), тяжело ступая по скользким ступеням иерархической лестницы, а следом, тихо-тихо, почти неслышно для всех следовал и Дениска. Впрочем, его уже так никто не называл. Теперь он для всех был Денисом Александровичем – только так, а не иначе.

Время – скоротечно, но и иные карьеры не менее быстры. Вот Путинцев уже в Первопрестольной (так народ издревле называет древнюю, а потому замшелую столицу государства), близок к Олимпу. Вскоре туда же перебирается (пока что на скромную должность рядового клерка) и господин Макаров: как говорится, бумажка – туда, бумажка – сюда. Аккуратист Макаров понимал уже, что долго на скромной должности не засидится. И, действительно: его наставник неожиданно оказался на Олимпе и его стали величать не иначе, как Великий из Великих, Мудрейший из Мудрейших. Неожиданно для всякого нормального человека, даже для Дениса Александровича. Не прошло и года, как он

из столоначальников выбился в заведующие канцелярией Его, то есть Учителя. Стал на виду у всех. И тут иноземные писаки стали наседать с одним и тем же вопросом:

– К... то... ест... мистер Маккарофф?

«Мистер Маккарофф» совсем не собирался выходить из загадочности, а посему и отделивался иносказаниями, иногда прибавляя к оним легонькую ухмылочку. Он по-прежнему вел себя тише воды и ниже травы. Все подумали: клерк, как есть клерк, еле приметная тень своего попечителя. И даже иноземные борзописцы от него отступились.

Но главный канцелярист царства-государства, тем не менее, работал неустанно, неусыпно, скромно делая свое незаметное для несведущих дело: управляя канцелярией, строго следил, чтобы управляемые им клерки шуршали бумажками пошустрее, а нужные чтобы были во всякое время под рукой. И не забывал напоминать:

– Без бумажки ты, – он показывал ноготок от мизинца, опущенный вниз, – букашка, а с бумажкой, – он задирал высоко-высоко вверх, то есть к потолку, указательный палец, – Человек.

И многочисленные клерки понимали его буквально. И правильно делали, ибо уже стали дотункивать, с кем имеют дело.

Правитель канцелярии, то есть Макаров, все больше и больше, все глубже и глубже увязал в своем обожании Верховного Правителя, то есть Путинцева. Он, то есть Макаров,

готов был земельку целовать, по которой ходили ноженьки Попечителя, то есть Путинцева, слепо блюдя его интересы, хотя и про свой интерес не забывал ни на минуту, помня еще одно наставление папеньки: своя рубашка – ближе к телу. О своем личном интересе он, по правде-то говоря, старался помалкивать, чтобы не пробуждать нехорошие мыслишки у окружения – у тех, кто под ним, а того больше у тех, кто над ним.

А годы мчались, а реки, бурля и пенясь на перекатах, всё несли и несли вперед свои воды. Дениска (я, извиняясь, Денис Александрович) тем временем плыл, управляя веслом, по течению. Плыл и радовался, что все хорошо у него складывается по жизни: ежели идет по канцелярии, то все пред ним, все еще, по сути, мальцом, шапки ломают, немилосердно гнут спины, заискивающе ловят каждое произнесенное им слово и даже мимолетному взгляду радуются, точно детки малые, когда оных одаривают шоколадкой. Теперь Дениска важничает, позволяя окружению его любить. Теперь Дениска уже ходит не так, как прежде: перестал горбиться – грудью, выпячивая ее нещадно, всё вперед да вперед. Нет, Дениска возвращает себя и в прошлое состояние, но лишь в том случае, когда оказывается пред светлыми очами своего Покровителя: тут он тише воды и ниже травы. Как-то, глядячи на покорность своего ученика, Покровитель сказал:

– Правильно делаешь...

Денис Александрович, поняв с полуслова (чаще всего он

понимает и без слов) своего Учителя, кинулся, обуреваемый великими чувствами, в ноги, и возопил:

– О, Великий из Великих! Ежели бы у меня был фамильный герб, то на нем бы я начертал главный свой девиз...

– А именно? – хитро щурясь, интересуется Покровитель.

– Без лести предан! – выкрикивает Макаров.

– Ну, да, – Покровитель с сомнением качает головой: это он специально подтрунивает.

– Я!.. Если понадобится!.. Готов!..

– Все так говорят, – продолжает трунить Покровитель, – а как только трон подо мной закачается, то...

– Я?.. Да ни в жизнь!..

– Не будет, значит, подножки?

Дениска, бледнея, выпаливает:

– Никогда, о, Мудрейший из Мудрейших!

Выпалив, незаметно отрывает от пола юркие глазёнки, чтобы проверить, каково впечатление он произвел на Покровителя. Кажется, убедил, что ради него раб не пощадит живота своего. Стало быть, прошел очередную проверочку, как выражаются нынче в сих палестинах, на вшивость. Стало быть, по-прежнему Покровитель не оставит его без своего доверия, а это... Доверие сидящего на троне – великое счастье, о коем мечтают миллионы. Мечтают, в самом деле, многие, да жребий выпадает единицам и он, Дениска, прикоснулся к избранным: если не поскользнется, то пойдет далеко и взберется высоко-высоко, до того высоко, что и поду-

мать пока ему страшно.

О том ли в то время думал Дениска? Кумекал ли про будущее? Неизвестно даже самым близким летописцам, а уж мне — и подавно.

Часть вторая

А годы, будто вздыбленные и вскинувшие головы жеребчики, резво мчались вперед, унося в своих тесных объятиях и главного персонажа этих сказок. Удобно уместившись в кресле главного канцеляриста, он накрепко сросся с нравами и обычаями, окружавшими его, потому что они сильно нравились, как выражаются его соплеменники, легли на душу. Сонмище клерков, важных и не очень, умных и так себе, серединка на половинку, населяющих канцелярию, всмотревшись до рези в глазах в образ новоявленного шефа, пришло к выводу: тихоня (так его прозвали за глаза) себе на уме и покажет всякому, почём фунт изюма. Стелет, одобрительно говорили они, мягонько, да спаться будет всякому зазевавшемуся жестковато, стало быть, добавляли восхищенно, с Дениской надо держать ухо востро, а хвост, извините, pistolетом, ибо, допустив слабину, легко можно лишиться как того, так и другого. Клерки-старожилы не могли не заметить в повадках Дениски нечто, уже ими виденное лет так с десятков назад, когда канцелярией правил тот, который нынче и царь, и Бог, и воинский начальник для всей необъятной державы.

— Копирует, — смоля в курилках, шептались они и кивали куда-то в потолок. — Как и его Покровитель, — добавляли старожилы, — строит наполеоновские планы, которые, неровён

час, могут и осуществиться.

Канцелярия шефу не завидовала. Канцелярия Дениску за-
уважала. Канцелярия (поголовно вся) стала искать благово-
ления начальства, ибо отлично понимала: шеф, если они ему
приглянутся, вспомнит и оплатит за верную службу стори-
цей. Угодничая, в первых рядах, как водится, оказались мо-
лоденькие и смазливенькие дамочки, ненавязчиво начавшие
заигрывать: бросать в сторону шефа ласковые и зазывные
взгляды, почаще попадаться, будто случайно, ему на глаза,
искать повод, чтобы лишний раз оказаться в его кабинете,
где, находясь с глазу на глаз, одарить очаровательной улы-
бочкой, обронить (опять же случайно) комплиментик. Де-
ниска – камень, но и его сердце не камень, а потому легко
может растаять под нежными взглядами чарующе прекрас-
ных особ. Все знали установку: на службе – нет места флир-
ту, на службе, уткнувшись носами в столешницу, надобно
с утра до вечера лишь служить. Однако... Слаб мужик... Он
не защищен от сатаны в коротюсенькой юбочночке. Я, право,
не знаю, угодил ли глава канцелярии в раскинутые сатанин-
ские сети, но вот другой факт очевиден: у «тихони», расха-
живающем по обширной канцелярии, окреп голос, распра-
вились плечи, грудь – вперед, поступь решительная, а дей-
ствия опасные. Всеобщее обожание даже с маленьким чело-
вечком совершает чудеса, обращая его в косую сажень в пле-
чах, то есть в былинного богатыря (особенно, если у того бу-
лава в руках), готового к подвигам во имя чести и достоин-

ства державы, во благо благоденствия ее народа.

Перемены разительны. И не только во внешности. В курилках клерки прозрачно и незлобиво намекали на сходство шефа с одной большой и важной птицей, которая, даже принимая пищу, не теряет, важничая, чувство собственного достоинства. Нельзя было не заметить, как шеф стал покрывать на подчиненных; как стал избирательно относиться к ходакам, обивающим пороги его канцелярии: с одними мил и сердечен, а других близ своего порога не допускает, лишь завидев издали, начинает гневаться, сучить, то есть топтать, ножонками.

Такое чудесное преображение не только не убавило число его обожателей, а, наоборот, удвоило. Всяк понимал: высокий чин входит в силу, а посему с ним надобно держать себя так, чтобы всегда быть угодным, покладистым, предвидеть и осуществлять всякое его желание.

Теперь прежним «тихоня», я повторяю, был в одном только случае, а именно: когда представал пред светлыми очами своего Покровителя: становился, как говорится, тише воды и ниже травы; старался больше слушать и поменьше, без крайней надобности, рта не раскрывать, чтобы ненароком не показаться умнее, чем он есть на самом деле, в особенности, умнее Попечителя, пред которым он по-прежнему трепетал, точнее, больше прежнего трепетал. Чтобы потрафить Наставнику, Дениска, который никогда не блистал спортивными достижениями, встал на горные лыжи и всерьез заду-

мался о приобщении к дзюдо. Как-то, заметив спускающегося с горы Дениску, Наставник подозвал к себе. Похлопав покровительственно по спине ученика, Великий человек (то ли в шутку, то ли всерьез) сказал:

– Верной дорогой идешь, товарищ...

В другой раз, уже на татами, поглядывая на неуклюжего ученика, ухмыляясь, Учитель сказал и так, чтобы окружение слышало:

– А ты мне нравишься.

Дениска решил съюморить:

– Только сейчас?

Путинцев не понял столь тонкого юмора и ответил вполне серьезно:

– Нет... Давно... Но с каждым днем всё больше и больше.

Дениска смущенно опустил глаза вниз, изображая из себя стыдливую девицу.

– Премного благодарен, Учитель...

– Вот и славно, голубчик. Если дальше так дело пойдет, то... Планы имею насчет тебя. Не скурвишься...

Дениска намеренно не дал закончить мысль.

– О! Да я! Костями лягу ради вас, но...

– Все так говорят, да не все делают, – многозначительно в очередной раз бросил Путинцев, потом, применив свой коронный прием, кинул на ковер тренера, который не мог, не имел права не поддаться дзюдоисту Путинцеву, так как держава не простит столь вольного обращения с драгоцен-

нейшим телом Верховного Правителя.

Часть третья

Отцвела весна, отблагоухала. Прошло лето, укатило в даль-дальнюю. Канула в Лету и золотая осень. Как всегда, неожиданно для державников наступила зимушка-зима с ее снежными метелями и лютыми морозами. Народ, утомонившись, залег на печках и носами, подрёмывая, запосापывал.

И лишь в палатах белокаменных, далекими предками построенных, нет тишины – там переполох. Курьеры важные, бережно держа депеши засургученные, снуют туда-сюда: от Красного крыльца до Старой площади Первопрестольной и обратно. Редкие прохожие, поёживаясь на морозце, глядя на суету, задрав на затылки поизношенные шапчонки и раздумчиво почесывая немытые шевелюры, догадливо хмыкали.

– Не иначе, – говорили, – Покровитель что-то затевает, – просморкавшись на снег и утерев красные носы подолами задрипанных зипунов, друг друга спрашивали. – Неужто опять того... этого... Ну, реформы какие-нибудь удумал? – перекрестясь на храм Василия Блаженного, сплюнув через левое плечо, добавляли. – Пройди, лиха-беда, мимо, изыди!

Главный канцелярист о ту пору сам сна напрочь лишился и всех клерков замордовал. Он искал и не находил решения задачи, поставленной перед ним его Покровителем. А время уходит – так считает Наставник, хотя его подопечный по-

лагает иначе (год с гаком до тревожащего события), но молчит, ибо возражать – себе дороже. Давно ли на его глазах Путинцев выпер главу своего Кабинета Министров Касьянкина. Уж на что Касьянкин был послушным Великому Правителю (может, всё-таки что-то неладное заметил, в чем-то уличил?), а вот взял и турнул. И за что? Лишь за то, что тот случайно и прилюдно поимел свое суждение? Хотя, как догадывается Дениска, не только и не столько за это. Касьянкин, видишь ли, вполне мог стать конкурентом его Попечителю, то есть заявить однажды претензии на верховную власть. Отчего бы и нет? Глядится, особенно рядом с Великим Правителем державы, ставшим таковым по дикому стечению обстоятельств, выигрышно, иначе говоря, импозантно: высокий, стройный, холёное лицо, грамотная речь, образованный и опытный экономист (не чета чекисту), прямая и слишком явная противоположность Покровителя. Так что иметь рядом столь опасного конкурента – себе дороже и действия, предпринятые в сторону Касьянкина, Дениска безоговорочно одобряет, ибо он сам поступил бы на месте его старшего друга Путинцева точно также. Говоря по чести, Дениска готов помечтать, что когда-нибудь и может случиться, что... Мечты гонит вон, так как понимает: они несбыточны как практически, так и теоретически. Стало быть, в статусе погонялы у Покровителя бегать ему до скончания жизни, впрочем, и тут никто не дает гарантий. Сболтнешь что-нибудь этакое и полетишь вверх тормашками в Тмутаракань.

Страх в глазах и дрожь в коленках явно свидетельствовали о том, что судьба Дениски висит на волоске: еще чуть-чуть и полетит, без учета многолетнего верного служения, в тартарары. И полетел бы! Но тут судьба вновь улыбнулась, улыбнулась широко и самым загадочным образом. Ну, не чудо ли, а!?

Ближе к вечеру зазвонил заветный, украшенный двуглавым орлом и триколором, телефонный аппарат. Дениска, не ожидавший от звонка ничего для себя хорошего, лихорадочно схватил трубку.

– С радостью слушаю, дорогой Василий Васильевич!

На том конце провода, очевидно, не разделяли его восторженные эмоции, поэтому коротко и бесстрастно прозвучало:

– Завтра едем на охоту и на шашлыки.

По правде говоря, то было единственное увлечение Наставника, которое не влекло Дениску и на которое соглашался скрепя сердцем.

Путинцев не любит лишних вопросов, но Дениска, отлично зная об этом, все-таки решился спросить:

– А... Кто еще?..

– Только ты и я, – и абонент, чтобы исключить неуместное любопытство, отключился.

Эту ночь провел Дениска спокойно. Такого безмятежного сна не было давно. Так что по утру чувствовал себя, как никогда, бодро. Почему? А стоит ли объяснять? Впрочем, скажу, но коротко: кто-кто, а главный канцелярист отлично по-

нимал, что «на шашлыки» Он приглашает вовсе не для того, чтобы надрать ему задницу, ибо для оной экзекуции лучше всего использовать не опушку леса, а личный кабинет в белокаменных палатах.

Этот день, как на заказ, выдался на славу. Морозы спали, облака ушли, небо заголубело, установилось безветрие. Вертолет приземлился на большой лесной поляне, обрамленной березами, елями и мелким кустарником, в котором пряталась личная стража, о чем догадывался Дениска. Чья стража? Ну, не Дениски же!

Вертолет, взревев двигателями и взвихрив винтами снежную пыль, поднялся и скрылся за макушками деревьев.

Наступила тишина, нарушаемая лишь постукиванием дятла да попискиванием неведомой пичужки.

Наставник, кивнув на оставленные вертолетчиками мягкие кресла, бросил:

– Присаживайся!

Дениска понял, что ни охоты, ни шашлыков не будет, что обмундирование и бельгийская винтовка за спиной всего лишь камуфляж. Дениска с легким сердцем и еще более возвышенным настроением, сняв и отставив в сторону винтовку, удобно устроился в кресле. Его Попечитель долго и пристально смотрел на подопечного, как будто пытаясь увидеть что-то новое, пока неизвестное ему. Не узрев ничего необычного, Путинцев плюхнулся в другое кресло, напротив Дениски и засверлил взглядом. Путинцев молчал. Дениска

терпеливо ждал, когда заговорит Повелитель.

И Повелитель разжал-таки тонюсенькие уста.

– Хорошо здесь, не так ли?

В личном общении, особенно с глазу на глаз, Наставник с опекаемым был на «ты», а чаще всего либо никак не называл, либо, когда был в хорошем душевном состоянии, просто Дениской. Последний же, держа всегда дистанцию (он помнил еще один отцовский наказ: «Субординация – превыше всего!»), обращался на «вы» и по имени, отчеству.

– Замечательно, дорогой Василий Васильевич, – воскликнул он и еще раз окинул взглядом поляну.

Путинцев ухмыльнулся чему-то своему.

– Оставим эмоции в стороне. Времени мало. Поговорим о главном.

– Слушаю, Василий Васильевич!

– Как с моим поручением?

Дениска догадался, что у наставника главный интерес не в этом, что этот вопрос всего лишь прелюдия к основному разговору, а иначе не стоило устраивать весь этот маскарад с охотой и шашлыками.

– Прорабатываем вопрос. Изучаем. Подключены ученые мужи. Задействованы даже СМИ. Идет мозговой штурм.

Дениска показывал себя мастером обтекаемых фраз, которые в его кругу имеют широкое хождение. Наставник дернулся в кресле.

– Результат!

– Держава хочет, чтобы вы пошли на третий срок.

Со злой иронией Путинцев спросил:

– Я того же самого хочу, но как это себе мыслит держава?

– Проще некуда, Василий Васильевич: пойти на третий срок и все!

– Если я правильно понял, держава подталкивает меня, юриста, к поправлению главного законодательного Уложения, в котором нет третьего срока.

– Зачем нарушать Уложение, если можно его легонько подправить, и тогда незаконное станет законным. Сочиним, внесем в парламент, а он у нас, как известно, ручной, послушно примет.

– Ты так считаешь?

– Не только я, но, главным образом, большинство общества: политологи, экономисты, депутаты, ученые и даже деятели культуры. Последние, кстати, из кожи вон лезут, чтобы доказать вашим поданным, что без третьего вашего срока держава рухнет и погребет под своими обломками весь народ – от Первопрестольной и до самых дальних окраин.

Путинцев поморщился.

– Знаю, что держава меня любит и готова проголосовать за меня на третий, пятый, десятый срок. Но... Мир... Либералы...

– Нашли на кого оглядываться: плюньте и растерите. Какое вам дело до них?

– Э, нет! Так не пойдет. Опыт подсказывает: прямой

путь – не всегда самый короткий или результативный.

– Не сомневайтесь, Василий Васильевич...

– Либералы такой визг поднимут... Мне это надо? Тоньше я должен действовать: не меняя главного законодательного Уложения, добиться того же результата, то есть не упустить из рук бразды державного правления.

– Хорошо бы, но как?!

– Давай, Дениска, замутим, а? Начнем шахматную партию и такую, что ухочешься. Игра будет, что надо: комар носа не подточит; ни одному либералу в голову не придет.

– У вас есть план?

– Есть, Дениска, есть, – и поведал он опекаемому «главный план Путинцева», в реализации которого ключевой фигурой, ферзём становится он, Дениска.

Дениска опешил от столь дерзкой игры и возмутился.

– Я?.. Вы?.. Это невозможно, Василий Васильевич!. Что-бы я и... Никогда! Ни в жизнь! Хоть убейте!

– А кто говорил совсем недавно, что ради меня готов на все; что без лести предан; что костыми готов лечь? А!?

Дениска, пригвожденный к столбу правдой Наставника, смущенно опустил глаза.

– Готов вместе с вами и замутить, но... А! Будь, что будет! Сыграем, что ли, Василий Васильевич? Я, как ваш верный раб, готов на время стать господином.

– Понарошку, понял?! – сурово сдвинув к переносице реденькие бровки, предостерег Великий Правитель.

– Само собой, Василий Васильевич!.. Ха-ха-ха! То-то повеселимся над дурачком, то есть над государевым электоратом. Похимичим всласть.

Путинцев согласен: его поданные – дурачье набитое, но все же еще разок предостерег младшего друга.

– Рано веселишься, – сказал, – придется, – сказал, – прежде попотеть. Наш Ванюшка – дурак, однако и ему, – сказал, – палец в рот лучше не класть. Может, – говорит, – и оттяпать. Помни, – говорит, – лишь один неверный ход, – говорит, – и ты в проигрыше. Не думай, – говорит, – что ты на этом поле единственный игрок. Конкуренция, – говорит, – у тебя, Дениска, большая. В эндшпиле, – говорит, – я буду решать, кто продолжит игру, а кто, – говорит, – на том и закончит, так сказать, останется при своем интересе.

Часть четвертая

После той памятной «охоты» не прошло и месяца, как Верховный Правитель учинил Высочайшее повеление: быть отныне Денису Александровичу Макарову первым заместителем главы Кабинета Министров и курировать «Планы Путинцева».

Игра началась с традиционного хода пешкой белых с E2 на E4. Гроссмейстеры и ухом не повели. Когда к ним обратились за комментариями, то прожженные игроки лишь хмыкнули: нечего, дескать, рассусоливать; всякий, дескать, салага начинает партию обычно с этого хода. Корифеи-западники пришли к тому же мнению.

И лишь одни отдельно взятые державники задались вопросом: «Неужто Великий Правитель готовит себе преемника?» Тотчас же зазвучали возражения других, особенно с правого фланга: «Этот? Преемник!? Серая мышь? Да куда ему! Его же за спинами стражников вблизи не разглядеть».

Либералы в очередной раз показали свою близорукость, о чем еще горько пожалеют, да будет, увы, уже поздно. Знали бы, где упадут, соломки, возможно, подстелили бы.

А что Дениска? Из последних сил рвал гужи, стало быть, сильно старался, чтобы уйти в отрыв, ведь конкуренты дышали в затылок. Особенно Ивановский, наиболее перспективный и опасный, как считал Дениска, соперник. Почему?

А потому что (для Дениски не было секретом) Путинцев и Ивановский, во-первых, ровесники, оба, во-вторых, прошли одну и ту же школу воспитания, следовательно, их убеждения идентичны, они, в-третьих, долго в одном и том же ведомстве считались «рыцарями плаща и кинжала», то есть уничтожали врагов на всех фронтах.

Да и Наставник не позволял расслабляться, все время подстёгивал. Вот демонстративно взял и возвысил статус основного соперника до его, Дениски, уровня, повелев впредь считать Ивановского также первым заместителем главы Кабинета Министров. Это, как догадывался Дениска, было сделано после жалобы на то, что права Ивановского ущемлены, что игроки ведут партию не на равных.

Тревожило Дениску и то, что на стороне соперника единым фронтом выступили патриотически настроенные державники, громко заявляя, что только он, Ивановский, в силах защитить национальные интересы государства. И аргумент: лишь Ивановский в полной мере наделен силой воли, которую он сможет обратить во благо великой и уникальной державы.

Дома Дениска впадал в ярость, но на государственной службе мило улыбался в лицо сопернику, униженно тряс ему руку, заботливо интересовался его здоровьем и здоровьем семьи: он усыплял бдительность конкурента, потому что на самом деле он готов был его размазать по стенке. И размазал бы, да руки у него связаны Наставником.

Дозволь, читатель, дать одно пояснение. Наверное, в сказочках кое-какие выражения неуместны (например, «замутить», «размазать по стенке» и прочие), но как быть, ежели таковы лексические особенности речи моих героев? Исправить их? Но это уже будет обеднять сами сказочки. Да, сказка – ложь, но, право, и в ней надо знать меру: завравшись, можно и впросак угодить. Я не прав? Возможно, а посему падаю в ноги и взываю к милосердию...

А вчерашний тихоня-столонячок канцелярии Великого Правителя к удивлению многих оказался сильно прытким мужичком: метр с кепкой, а юркий до ужаса. Известно: маленький (во всех смыслах этого слова) человечек с трудом переживает свои поражения, а посему бьется до конца, не щадя ни своего живота, ни живота врагов, ни даже живота единомышленников-друзгов.

Игра, впрочем, стоит свеч. Как ведь потопашешь, так после и полопашешь. Дениска рвет гужи, шастая по бескрайним просторам страны-чудесницы. Государев ковер-самолет, на котором он перемещается, не выдерживает таких нагрузок и начинает, перегревшись, бурливо кипеть, а Дениске хоть бы хны. Как у классика: Фигаро тут, Фигаро там – Фигаро, Фигаро, Фи-га-ро!

Вот Дениска со всей своей свитой (вообще-то, он уже давно Денис Александрович, но для меня-то он по-прежнему малец) на дальнем-предальнем востоке, где ходит в обнимку с местным воеводой Дарьиным и милостиво принимает по-

бедные реляции, из коих явствует: аборигены живут счастливо, всем и всеми довольны, особенно по части внедрения в жизнь одного «Плана Путинцева», а именно: неудержимого роста благосостояния поданных.

Дениска радуется. Его обволакивают эмоции. Он теряет над собой контроль и весь шар земной облетает его выкрик: – Во, попёрло!

Борзописцы как-то пропустили (не придали, наверное, значения) один инцидент, можно сказать, крохотный казус, приключившийся во время визита гостя из Первопрестольной на рыболовецкую шхуну. Стоит, значит, на верхней палубе принаряженная толпа (якобы, экипаж) и преданно таращит глаза на Дениску, который и так перед ними повернется, и эдак, стало быть, пыжится. И тут, откуда ни возьмись, на первом плане появляется мужичок в замызганной рыбацкой робе. Он, икнув в сторону, отчего толпу обнес специфичный запах, начал речь:

– Ты, любезный, не смлевайся... Мы ведь что... Мы ведь народ податливый, малость кумекающий. Как нам скажут... Полюбили твоего Попечителя, полюбим и тебя, поганца этакого...

Денискин шеф протокола аж позеленел, ибо он понял, что в его списках сего оратора не было и не могло быть. Воевода Дарьин, прячась за спину гостя, засмутился, отступил назад, достал платок (подарок очередной любовницы, а, возможно, и братков-подельников) и приложил к своему благо-

родному носу: запашок, идущий от оратора-земляка, столь свеж и до того ядрен, что его чуткое обоняние не в силах выдержать такого испытания.

Мужичок же, просморкавшись прямо в ноги гостям и гу-сто дыхнув в ту сторону, продолжил речь:

– Живем, а и, правда, мы, надо сказать, хорошо, даже великолепно, однако одно худо, – заметив на лице гостя налетевшую тень неудовольствия, решил исправить впечатление. – Ну... Это... Не то, чтобы совсем худо, а так... чуть-чуть... Край-то наш рыбный, а рыбки в магазинах – тю-тю... Уплывает, значит, рыбка-то наша... Куда? Того я не ведаю, а вот воевода наш...

Толпа каким-то непостижимым образом дружно раздвинулась, потом сдвинулась, поглотив в своих недрах оратора, не оставив после него даже национального запашка. Мистика? Ну, уж нет! Результат действия шефа протокола, который, очухавшись от подобной дерзости, принял меры, а стража их реализовала.

А на другой день Дениска уже на крайнем севере. И здесь глубокомысленно важничает; ходит, а грудь колесом; пробует, закидывая головёнку назад, смотреть на толпу сверху вниз, снисходительно, стало быть, но это ему не дается, потому как североморцы не народ, а косяя сажень в плечах, богатыри, короче, еще те, однако, смущаясь, стоят на полусогнутых, чтобы свое превосходство над гостем не бросалось сильно в глаза. И Дениске чудится, что он умнее всех, силь-

нее всех, выше всех, уже мнит себя не иначе, как национальным героем.

Не мог не заглянуть Дениска и к подводникам, стражникам морских рубежей великой державы. Поднявшись на верхнюю площадку атомной подлодки, крепко держась левой дрожащей рукой за поручень, он неожиданно поднял вверх кулачок правой руки и кому-то помахал им. Другой мир, увидев в телевизорах сей знак, ахнул и задался вопросом: что бы это значило? Кабы кулачком махнул на рыболовецкой шхуне, то в пот бы никого не бросило. Тут же...

Потом господин Маркин, воинственно настроенный придворный политолог, разъяснит:

– Младший друг Великого Правителя поднятием кулачка прозрачно намекнул: не злите, а то ведь можем и жахнуть. Никому мало не покажется.

Отсюда мой вывод: не зря, ой, не зря другой мир хорошенько пропотел.

Спустя несколько дней, борзописец, представляющий другой мир, предложил дать комментарий Путинцеву. Тот, коротко хохотнув, мрачно изрек:

– Что, наклали в штаны? – после паузы добавил. – То ли еще будет, когда...

Фразочка была оборвана, но борзописец все понял без слов.

Через неделю, а, может, и раньше, Денискин ковер-самолет приземлился в краю, именуемом исстари «каменным по-

ясом» державы, на границе двух континентов. Народ здесь обитает своеобразный, о чем Дениска знает; ему, Дениске, тем более важно заручиться поддержкой таких своенравных, довольно мрачноватых аборигенов. Заручился? Растопил их твердокаменные сердца? Даже придворная камарилья не смогла однозначно ответить. С первых шагов по «каменному поясу» что-то не заладилось. Руководство одного местного телеканала, стремящееся продемонстрировать особый взгляд на вещи, обратилось к уже известному нам шефу протокола.

– Челом бьем!.. Нижайше просим включить в свиту сопровождения высочайшего гостя нашу съемочную группу.

Шеф протокола нахмурился, из чего следовало сделать вывод: даже нижайшая просьба ему не понравилась, более того, показалась дерзостью.

– Зачем? – коротко, но ёмко спросил он.

Руководство телеканала смущенно замялось и стало что-то мямлить:

– Нужна... Ну... Это самое... Картинка, – дока телевидения знает, о чем речь. – Как без нее?

– Дадим, – усмешливо пообещал шеф протокола, – и картинку дадим, и комментарий свой дадим, всё дадим, готовенькое дадим.

– Но, – сварливое руководство телеканала предпринимает последнюю попытку, – у нас особый взгляд...

Шеф протокола, услышав, развеселился.

– Эх, провинция! «Особый взгляд»? Это у вас, что ли? – он ткнул перстом в сторону двери. – П... шел с «особым взглядом» на...

Последнее слово, составленное из трех букв, я не решаюсь повторить.

Однако, отдаю должное, во всем остальном Дениска сильно старался. Зачем? За тем же, что и в других краях: заручиться любовной поддержкой теперь уже горнозаводских аборигенов. Престарелый, но по-прежнему шустрый краевой воевода Эдгар Эдуардович Стессель, загадочно ухмыляясь и подмигивая, сверкая на солнце золотым шитьем, везде следовал за Дениской по пятам: угодливо внимая и подобострастно заглядывая в рот залётной столичной пташке, готов был торжественно рапортовать обо всем и везде. Но мало Дениске изустных рапортов.

– Покажь, – сурово требует от воеводы, – как реализуешь национальный проект «Здоровье»!?

Спина воеводы, похрустывая старыми косточками, обретает форму дуги.

– С превеликим удовольствием, многоуважаемый Денис Александрович! – не переводя дыхания, гаркает Стессель.

Воевода щелкает пальцами, перед гостем и перед его свитой вырастает тотчас же кортеж из множества иноземных карет (их Дениска в обиходе называет «крутыми тачками»). Не проходит и минуты, а кортеж уже мчится по вылизанным полупустым улицам горнозаводской столицы. Городовые –

при полном параде и со счастливыми лицами – козыряют проезжающему гостю, редкие прохожие, особенно дамочки, машут в след холеными ручками и посылают воздушные поцелуйчики.

– Люблю, – говорит гость, – когда во всем порядок.

Гость милостиво треплет воеводин загривок и улыбается.

– Рад стараться! – вновь гаркает Стессель, растаивая как медовый пряник на солнце.

– А что, – спрашивает Дениска, – живете, гляжу, без пробок?

– Так точно, без пробок! – спешно подтверждает воевода, а сам продолжает загадочно ухмыляться чему-то.

– Ну и молодец, – говорит Дениска и покровительственно хлопает воеводу по старческому плечу.

– Рад стараться!..

– Не ори, – мягко укоряет Дениска, – так-то... Могу оглохнуть...

Стессель переходит на полутона и начинает оправдываться:

– Это я из величайшего почтения к Вашей драгоценной особе... Не велите казнить, ежели переусердствовал малость...

Дениска кивает и ласково говорит:

– Прощаю, мошенник ты этакий, – потом, вздохнув, возвращается к ранее заявленной теме. – А вот в Первопрестольной совсем не так... Нет порядка в Первопрестольной.

Горнозаводской воевода округляет в ужасе глаза и с придыханием спрашивает:

– Неужто... Вы?... И... пробки?!

– Хе! – отрывисто хохотнул Дениска в ответ. – Я, слава Богу, нет, но вот теща...

– А что теща?

– Жалуется...

– Ваша теща? Она и застревает в пробках?!

– Бывает...

– А... Где стражники с мигалками и матюгальниками?

– Увы, – Дениска огорченно разводит руками, – моя теща не входит в список особо охраняемых персон нашей державы.

Стессель, чтобы потешить душу гостю, искренне возмущается.

– Непорядок! Безобразие! Не градоначальник у вас, а рохля! Будь я на его месте!.. Да я б...

– Остынь, голубчик. Что можешь сделать, если список...

Горнозаводской воевода продолжает с еще большей страстностью возмущаться:

– Список? Бумажка – и только! Да я б вашу драгоценную тещу, по крайности, – он протянул вперед дряблые свои лапы, – вот на них носил и был бы при этом безмерно счастлив. Ведь почитание тещи – это явный и неопровержимый факт глубочайшего почитания ее зятя.

Намёк был понят теми, кому адресовался. Дениска разо-

млея до того, что потрепал реденькие и седенькие волосенки воеводы.

– А ты, – поощрительно сказал он, – ушлый.

– Покорнейше благодарю, многопочитаемый Денис Александрович, – воевода, смутившись, опустил глазёнки. – Таким уж уродился.

Кортеж остановился напротив помпезного дворца, на высоком крыльце которого столпился народ. Стессель пояснил:

– Главный управитель богоугодного заведения и его паства.

Глянув, Дениска заметил:

– Хорошо выглядят – сытненько и чистенько. Особенно управитель: просто блещет здоровьем, лопается от избытка жизненных сил. Старушенции, его подопечные, впрочем, – тоже, – потом заключил. – Факт успешной реализации национального проекта «Здоровье» в горнозаводском крае – налицо.

От подобной оценки воевода аж подскочил на месте, и хотел было броситься в ноги Дениске и облобызать его пятки, но передумал. Посчитал, что могут воспринять искренние чувства за лесть. Все хорошо, по мнению воеводы, лишь то, что в меру.

Лихо проскакав по богадельне, выслушав пару-тройку панегириков обитателей, которые в голос твердили, что живут они здесь весело и счастливо, что о другой жизни и о других попечителях и мечтать не смеют, Дениска вместе со сви-

той на обратном пути (будто невзначай) заскочил и в лавку, иначе выражаясь, в аптечную лавку, где тоже больной, но упитанный и розовощёкий народ, изобразил на лицах безмерное счастье.

Дениска просто тает, и лицо его светится довольством. Ну, да, национальный проект «Здоровье» не его придумка, а Великого Путинцева, то есть его Покровителя. Однако ж, кому Покровитель поручил курировать? Ему, Дениске! Стало быть, чья заслуга, что нация пышет здоровьем? То-то же! Что мое, рассуждает полулежа в карете, проносящейся с ветерком по городу, Дениска, то мое и никакой сволочи своего не отдам.

Тут Дениска встрепенулся, вспомнив нечто важное, уставился в воеводу.

– А, братец, как реализуешь другие национальные проекты, к примеру, «Жильё»? А?! Что молчишь? Скажи, нечем тут похвастаться, ведь так, да?

Дениска не видит, но воевода кожей чувствует, как шеф протокола сверлит его своим пронзительным взглядом.

Воевода Стессель не обременен скромностью, поэтому лезет в карман, вытаскивает бумаженцию-рапорт и бойко отвечает:

– И с «Жильём», – говорит, – в моем краю преотлично.

Потом утыкается в бумагу и начинает сыпать квадратными метрами, километрами, кубометрами и прочими эквивалентами.

– Э, голубчик, погоди, – останавливает Дениска. – С цифрами я не в дружбе. Скажи лучше, а инновации внедряешь в строительстве?

– Еще как! – восторгаясь самим собой, отвечает воевода. После короткой паузы добавляет. – В моем загородном домишке даже унитазы инновационные...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.